УДК 811.16:81'371 DOI: 10.17223/19986645/66/3

Г.В. Калиткина

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В книзћ фалометћй: ПУТЬ ОТ АЛЛЕГОРИИ К ТЕРМИНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЕ

Рассматривается семантическая эволюция ряда номинаций объектов и процессов растительной сферы, обусловленная их аллегорическим употреблением в Псалтири, и развитие у них темпоральных сем. По материалам диахронических словарей прослежено вхождение растительных терминальных метафор с устойчивыми фазовыми коннотациями в семантическую систему русского языка. Выявлена неравномерность оязыковления полюсов «начало» и «конец» русскими и церковнославянскими метафорическими единицами.

Ключевые слова: псалмы, аллегория, метафора, терминальные семы, русская лингвокультура, высокий дискурс.

Книга Хвалений (Гимнов) царя и пророка Давида, созданная, как полагают современные исследователи, в период X–II вв. до н.э. и названная александрийскими переводчиками Книгой Псалмов, является частью Ветхозаветного текста Библии.

Помимо греческого и латыни, уже во второй половине IX в. псалмы были переведены на церковнославянский язык. Протографом данного перевода книги уаломстрй, который освящен авторитетом свв. Солунских братьев, стал текст Септуагинты. Уже «с эпохи Средневековья Псалтирь была наиболее популярной книгой Ветхого Завета в христианском мире², ее часто присоединяли в рукописях и печатных изданиях к Новому Завету» [2. С. 17]. И в самом новозаветном тексте Псалтирь (наряду с книгой пророка Исайи) цитируется чаще остальных книг Танаха. Православная церковь использует Псалтирь в течение всего года на каждом утреннем и вечернем богослужении. В Российской империи практически до конца XIX столетия чтением Книги Псалмов на церковнославянском языке и завершалось образование большинства детей из низших сословий³.

¹ «Начиная с самых первых переводов старославянский лексический инвентарь не только питался лексикой народной славянской речи, но обогащался книжной лексикой, по большей части являвшейся результатом словотворчества славянских книжников. <...> Свв. Кирилл и Мефодий стремились к созданию лексического инвентаря именно литературного языка, создавали для перевода книжные слова даже в тех случаях, когда в их распоряжении имелись слова народной речи с подходящим значением» [1. С. 5–6].

² Собственный полный перевод Псалтири оставили в числе прочих такие выдающиеся личности, как М. Лютер, М. Грек, Ф. Скорина, С. Полоцкий, А. Фирсов, И.-Г. Гердер, А.Н. Муравьев.

³ См. программы начальных училищ Министерства народного просвещения (1897) и церковноприходских школ, принадлежащих ведомству Св. Синода (1894) [3. С. 31–32].

К экзегезе псалмов церковь обратилась с первых веков христианства. Среди ранних версий наиболее известны и значимы толкования, созданные в IV–V столетиях – золотом периоде святоотеческой письменности – представителями как восточной ветви христианства (Афанасием Великим, Василием Великим, Иоанном Златоустом, Феодоритом Кирским), так и западной его ветви (Иларием Пиктавийским, Амвросием Медиоланским, Блаженным Августином). Позднее над этим трудились многие другие авторы, придерживавшиеся несовпадающих подходов к толкованию.

Вне сферы своего культового назначения Библия вполне очевидно «предопределила не только духовный строй европейской культуры, ее этический патос (в этом, конечно же, ее важнейшее значение), но во многом и ее художественную парадигму» [2. С. 4]. При этом собственно Книга Псалмов «оказала огромное влияние на мировую религиозную и светскую поэтическую традицию» [Там же. С. 15], а сама Псалтирь, по мнению С.С. Аверинцева [4], усвоила древнейшую поэтику ближневосточных литератур.

Поэтический язык Книги Псалмов содержит многочисленные примеры тропов и фигур речи. Постижению сути догматов вероучения способствовало обращение псалмопевцев к хорошо знакомым и понятным для их современников образам объектов и явлений окружающего мира [5, 6], которые они переносили в другую семантическую зону, изменяли их референцию, формируя смысловую глубину текста. Вместе с тем еще основатель библейской филологии Ориген в начале III в. учил, что «священный текст сознательно окутывает себя мраком, чтобы воспитать в толкователе скрупулезность и чтобы избежать того, что его содержание, будучи легко достижимым, окажется недооцененным» [6. С. 223]. Образный строй языка Псалтири, сотканный переплетением буквальных и глубинных смыслов, прочно вошел в литературную традицию христианского мира и развивающиеся в его пределах национальные языки. Некоторые образы, аллегории, символы и мотивы за истекшие тысячелетия стали настолько привычными, что уже не связываются со Св. Писанием.

К наиболее усвоенным христианскими культурами относятся и растительные образы псалмических текстов. Ядро лексического множества, ставшего планом их выражения, манифестировано номинациями объектов флоры и их частей (фитонимами и фитоморфонимами), периферийные слои — обозначениями вегетативных процессов и деятельности человека, связанной с возделыванием растений.

Хотя число растительных образов в Псалтири не слишком велико, весьма показательным становится их присутствие уже в 1-м псалме, который, по единодушному мнению исследователей, служит своеобразным камертоном ко всей κ низ \hbar ψ аломсm \hbar ι . Описывая путь добра и зла, он «задает тон последующим нравственным и философским размышлениям,

¹ Словесный образ понимается здесь как «способ конкретно-чувственного воспроизведения действительности в соответствии с избранным эстетическим идеалом» [7. С. 124].

утверждает идею свободы выбора и сопряженной с ней ответственности, определяет ее эталоном праведного бытия» [2. С. 8]. В 3-й стих 1-го псалма введены образы дерева, листьев и плодов: И будеть (праведный. – Γ .K.) як ω древо насажденное при исходищихь водь, еже плодь свой дасть во время свое, и листь ег ω не ω тпадеть: и вся елика аще творить, оуспђеть.

Теологические и этические смыслы, извлекаемые из этой развернутой аллегории¹, раскрываются в бесчисленных толкованиях, созданных уже средневековыми авторами. На уровне эстетически нагруженного отражения мира данный принцип иносказания, по мнению А.Ф. Лосева, заключен в том, что «мы получаем "образ" как иллюстрацию, как более или менее случайное, отнюдь не необходимое пояснение к идее, пояснение, существенно не связанное с самой идеей» [8. С. 64]. Аллегории в течение столетий воплощались в бесчисленных образцах живописи, скульптуры, архитектуры и т.д., создавая некую художественную картину и передавая через чувственный конкретный образ отвлеченное понятие. Значительную роль они играют и в словесном творчестве. В любых случаях мы имеем дело с разницей между планом выражения и планом содержания. Вместе с тем аллегория зачастую неоднозначна, многоуровнева, и поэтому ее интерпретации могут различаться своей глубиной и точностью, завися от обосновывающей их системы восприятия, - достаточно указать на две версии, одновременно формулируемые на рубеже XI–XII вв. византийским богословом Евфимием Зигабеном при толковании приведенного выше стиха².

А.А. Потебня в свое время полагал аллегорию (наряду с басней и притчей) «сложной», «развитой» метафорой [10]. Такая точка зрения существует и по сей день: «Аллегория так же относится к идее, как метафора к отдельному слову. Отношение аллегории к метафоре количественное; аллегория есть метафора, поддерживаемая на протяжении целого предложения (и за его пределами), то есть контекстная метафора» [11. С. 38] (см. также работы Б.В. Томашевского). Как лингвистический феномен аллегорию могут воплощать не только тексты, предложения, словосочетания, но и, подобно метафоре, универбы.

Попытка систематизировать толкования аллегорических употреблений слов в Псалтири сделана в вышедшем в свет в 2012 г. словаре Л.П. Клименко [12]. Издание раскрывает читателю не прямое номинативное значение единицы (оно вообще не включено в словарную статью), а

¹ При разведении понятий «аллегория», «эмблема», «символ» и «знак» философы, литературоведы, семиотики, экзегеты нередко придерживаются прямо противоположных взглядов (см. работы С.С. Аверинцева, А.С. Десницкого, В.И. Карасика, Б.В. Томашевского, А. Шопенгауэра, Б. Кроче, Х.Л. Борхеса и др.).

² «Так ведущий себя <...> приносит плод – добродетели в надлежащее время и не сбрасывает листьев, то есть смиренномудрия, которое прикрывает и сохраняет добродетели. Или под плодом должно разуметь от трудов собираемое духовное богатство, а под листьями согревающую надежду спасения, которой никогда не теряют и которая облегчает чувство скорбей» [9. С. 16].

значение контекстуальное, при этом автор не ставит перед собой задачи установить для полисемантов иерархию подобных значений, которая должна была бы опираться на целостную лексико-семантическую систему языка.

Тем не менее часть таких непрямых смыслов со временем получила закрепление и в семантической системе многих языков, расширив их словарь. Применительно к русской лингвокультуре, взятой как монолитное соединение элитарной и народной традиции, этому в диахроническом плане послужили греческий (III–I в. до н.э.), церковнославянский (IX в.), русский (синодальный текст 1876 г.) переводы Псалтири.

Если взглянуть под указанным углом на растительные образы 1-го псалма, то в русском языке менее всего «посчастливилось» *пистьям*: данное существительное, став многозначным, вообще не развило сколько-нибудь весомых «культуроемких» значений, хотя его аллегорический потенциал попрежнему способен реализоваться в конкретном тексте (см. примеры ниже). Этим фактом подтверждается наблюдение С.М. Толстой, отметившей в 1996 г. феномен известной самостоятельности, отдельности таких знаковых систем, как культура и язык. Они соотносятся по-разному – от «почти полного совпадения языкового и культурного образа (то есть выделяемых и обозначаемых языком и культурой свойств объектов, их иерархии и оценки) до их значительного или даже полного расхождения» [13. С. 126].

У существительного *дерево* МАС не фиксирует переносных значений¹. Однако образ дерева как прототипического растения скрепляет, удерживает, связывает в единое целое части сложной аллегории, которая спустя несколько веков после создания Псалтири - давшей, вероятно, сильный импульс к использованию этого иносказания, – многократно разворачивалась на страницах Нового Завета (укажем, например, на послание ап. Павла к римлянам (11, 16–24)). С разной степенью детализации в течение столетий аллегория дерева воспроизводилась отечественными авторами в «высоких» дискурсах – совокупности тех текстов, которые служат языковым коррелятом надындивидуальной идеологической и социокультурной практики. Например, написавший в 1847 г. предисловие к Словарю II отделения Академии Российской А.Х. Востоков, обрисовывая «пределы и объем издания», мотивирует включение в него наряду с русскими словами церковнославянской лексики следующим рассуждением: Отречемся ли мы от того языка, которым предки наши в святых храмах славили Предвечного, на котором вылилась первая летопись о древней Руси, на котором выразилось в народных песнях первое чувство радости и скорби? Нет, не станем отторгать ветви от питающих их корней [14. С. XI-XII]. Акцентам этого пассажа абсолютно созвучны аллегорические растительные образы, возникшие под пером публицистов в начале XX в.: В глубоких и органиче-

 $^{^1}$ Славянизм входит в ряд фразеологических выражений, актуальных для Ветхого Завета: *древо животьне (живота), жизньне (жизни); древо вђдђни (вђдьне); древо размьно (разма, размђни).*

ских проявлениях искусства всегда можно рассмотреть канонический ствол растения и свободное цветение индивидуального творчества на его ветвях (М. Волошин, 1914). И через столетие, уже в XXI в., вновь можно встретить примеры иносказания, передающие знакомые смыслы: Судебная реформа 1864 г. в России опиралась на концепцию, хотя и признающую разделение властей, но полагавшую, что все они, как ветви дерева, имеют основанием могучий ствол — самодержавие (И. Петрухин, 2003); Культура XIX столетия с ее завершенным и совершенным строем для культуры XX века — корень и ствол. Остальное — ветки, а то даже и листья, имеющие обыкновение опадать (С. Рассадин, 2004).

В приведенных контекстах целостный аллегорический образ дерева 1 предстает разделенным на составные части, которые в течение двух минувших тысячелетий сформировали несколько семиотических оппозиций. Так, имена дерево и ствол vs ветви и листья выступают как оппозиты, обозначающие главное, целостное vs второстепенное, дробное. Хотя наглядный растительный образ улавливается без труда, ЛСВ ветвы отклоняющаяся от основного, главного направления линия', ветвы 'линия родства в родословной', ветка2 'отдельная линия, отклоняющаяся в сторону' в синхронном MAC не имеют пометы «переносное». В данном случае (равно и у имен *ствол*₂₃₄₅₆ и лист₂₃₄) семантическая «подвижка» завершилась: аллегория породила растительную метафору, которая вошла в ткань семантической системы языка настолько плотно, что уже не вычленяется как таковая. Как видим, эволюция семантики единиц растительной сферы постепенно формировала иерархические коннотации, осложненные, впрочем, угадываемыми отсветами, «рефлексами» пространственных смыслов.

При этом ряд наименований частей растений, этапов вегетации и культивирования семантический дрейф превратил в **терминальные метафоры** — один из способов передачи абстрактных смыслов 'начало' и 'конец' при помощи соответствующих компонентов в семантической структуре или привычных коннотаций и ассоциаций², которые сопровождают предметное лексическое значение. Добавим, что терминальная семантика может иметь пространственное / темпоральное преломление.

С данной точки зрения, самой счастливой в русской лингвокультуре оказалась судьба nnoda. (Значимость этого образа для псалмической поэзии косвенно подтверждается тем фактом, что из четырех прилагательных, манифестирующих растительную аллегорию в κ низ \hbar ψ аломсm \hbar ι , три связаны деривационными отношениями с существительным nnod-nnodonoc

¹ К нему отечественные авторы обращаются реже: Никогда Россия, по сказанию летописца, не изъявляла искреннейшего веселия: казалось, что Небо, раздраженное преступлением Годунова, но смягченное тайными слезами добрых ее сынов, примирилось с нею, и на могиле Димитриевой насаждает новое царственное древо, которое своими ветвями обнимет грядущие веки России (Н. Карамзин, 1821–1823).

 $^{^2}$ О соотношении терминов фазовые «коннотации» и «свободные ассоциации» см. в работе [15].

ный, плодовитый, неплодный.) Слово нагружено хорошо осознаваемыми в настоящее время компонентами с семантикой финала, из которых развилось переносное значение 'результат, порождение чего-л.' (подаваемое МАС под цифрой 3 в сопровождении пушкинских строк плоды моих мечтаний и гармонических затей), и фазовой коннотацией 'награда'.

По мнению О.Ю. Богуславской и И.Б. Левонтиной, внутренняя форма этой растительной метафоры обусловливает ее использование «для описания деятельности или процессов, которые развиваются закономерно, так что результат как бы постепенно вырастает и созревает, часто через какоето время после завершения деятельности. <...> При этом, даже когда речь идет о деятельности, *плод* указывает на то, что итоговое положение дел не полностью контролируется субъектом, а отчасти зависит от общих закономерностей» [16. С. 45]. Авторы констатируют, что ныне для экзистенциальных контекстов (особенно при отрицании) *плод* не характерен, хотя еще в пушкинскую эпоху в русском семантическом поле результата данная единица была наиболее частотной. Следует, очевидно, полагать, что изменение ее места и роли в русской лингвокультуре продолжается.

Формирование у многозначных единиц растительной сферы терминальных смыслов зачастую сопровождалось исчезновением ряда других значений, и изменение их семантического объема можно проследить по трем фундаментальным диахроническим лексиконам русского языка, которые созданы² на материалах памятников письменности, неразрывно связанных с христианской традицией, при сравнении их с синхронным МАС.

Первым по времени появления – и объективно отражающим уровень лексикографической практики своей эпохи – является словарь древнерусского языка, построенный на материалах акад. И.И. Срезневского (1893–1912) [17], который был задуман им как словарь «книжного» и «народного» языка³. Помимо предметного лексического значения 'fructus, плод', издание выделяет еще несколько: (2) племя, отродье; (3) произведение; (3) польза; (4) приплод; (5) доход; (6) рост, лихва, – при отсутствии лексемы со значением 'результат' почти все ЛСВ сопровождаются фазовыми ассоциациями. В словаре нет разграничения прямых и переносных значений, хотя помещенные контексты актуализации лексем, с позиции современного словаростроения, убедительно показывают его необходимость. Например, ЛСВ₁ проиллюстрирован вполне образным фрагментом из тво-

¹ Ее хорошо иллюстрирует стих: *И речеть человђкъ: аще оуб есть плодъ првнику, оуб есть Бгъ судя имъ на земли* (Пс, 57, 12). Для его перевода Е.Н. и И.Н. Бируковы использовали лексему *награда*, а в синодальном переводе оставлено слово *плод*.

² Два издания еще не завершены.

³ Предисловие, открывающее этот словарь, составленный уже после смерти самого И.И. Срезневского, сообщает, что «древнерусский язык» академик, «надо думать, понимал не только в смысле возможно полного запаса слов и речений живого, народного языка древней Руси, но вместе с тем в совокупности всех слов и выражений языка церковнославянского, усвоенных и распространенных среди образованного класса древней Руси, среди русских книжных людей X–XV вв.» [17. С. V].

рения Даниила Заточника: Азъ бо есмь яко о́на смоковница проклятая, не им \hbar я плода покаянію 1 .

Словарь русского языка XI–XVII вв. (СРЯ, 1975–2008) [18] сокращает количество ЛСВ имени *плодъ* до 4 и перераспределяет оттенки значений (употребления). Так, помимо прямого значения *плодъ*₁ (из прасл. **plodъ-/pledъ-*) и его оттенка, чья семантизация повторяет версию МАС, – 'орган растения, развивающийся из завязи цветка и содержащий семена || сочная съедобная часть некоторых растений', здесь лексикографирован *плодъ*₂ 'потомство; ребенок, детеныш', его оттенок 'отродье, семя' (*Не имаши прђбыти вђкы, плоде лукавыи* (отериа) (Ис, 14, 20)) и уже совершенно исчезнувший оттенок 'род, вид' (*Песия мухи – великия мухи различного плоду* (Азбук. 1654)). При этом авторы полагают полностью сформировавшимся метафорическое значение *плод*₃ (с пометой «переносное») – 'результат, продукт какой-л. деятельности, развития', иллюстрируя его в том числе контекстом из Изборника Святослава 1076 г.: *плодъ добрыихъ дђлъ обронивъши*.

Наиболее полным по охвату исторического материала является Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (СДЯ, 1988–2016) [19]. Хотя каноническая церковная литература оказалась вне круга его источников, однако в Палее, житиях, проповедях и литургических произведениях, которые расписывались для его картотеки полностью, имеются цитаты и пересказы текстов Ветхого и Нового Заветов. Лексикографируемые слова представлены значительно бо́льшим количеством случаев их употребления и более разветвленной системой значений. Имя *плодъ* выступает здесь как полисемичная единица с 5 значениями, у которых есть образные и переносные употребления (авторы, впрочем, не дают разъяснений, на каком основании они были дифференцированы). Свободен от них лишь исчезнувший к нашему времени *плодъ*4. Выборочно приведем контексты актуализации:

- 1) Плод. | Образн. Сице и л \hbar пьше пр \hbar сп \hbar ть манастырь тако процвытеть, тако плоды красьный изнесеть. К XII. || Перен.: Да., възможете умладити дша ваша и принести н \hbar кий плодъ блг(д)тью X(c)вою. ФСт XIV–IXV.
- 2) Все то, что производит земля; продукты земледелия. | Образн. *Сђите* бо вђица себе в правду и пожнете пло(д) правды. ГБ к. XIV.
- 3) Потомство, приплод. Образн. Ныне рфкы апл(с)кыя наводняються и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари... полну црквную мрежю ловитвы обрфтают. КТур. XII.
 - 4) Доход, прибыль. Онъ же ре(ч), се плодове моя. Пр. 1383.
- 5) Произведение, продукт, результат какой-л. деятельности. | Образн. Плода дрль твоихъ насытиться земля. Сб. Яр. XIII. || Перен. И есть члвкъ мудръ своеи дии и плодъ разума его въ устрхъ вррынъ. Изб. 1076.

¹ Кроме легко читающейся аллюзии на новозаветную притчу о бесплодной смоковнице, ср. с текстом, который произносится после чтения 2-й кафизмы: *Азъ сый древо неплодное, Гди, оумиленія плода не ношу.* Обе аллегории с разной степенью полноты воспроизводились в светской литературе и далее.

Анализ всех приводимых в словарной статье иллюстраций показывает, что наиболее тесно с образными и переносными употреблениями, «сгущающими» фазовые смыслы конца, связаны $nnod_{51}$ и $nnod_{5}$. Иллюстрации к ЛСВ $_{1}$ отличаются активной и разносторонней проработкой поля растительной метафоры в целом: npousemem, nposnoua, nua, dpebo cyxo, dem, dem, dem сочетаемостью. В контекстах актуализации это конструкции dem dem, dem

В институциональных дискурсивных практиках до сих пор видны следы того, что даже после выхода нашей страны из теократической языковой ситуации церковнославянский язык не сразу утратил роль многовекового фундамента книжной культуры [20]. Поэтому закономерен вопрос о месте плода в семантической системе церковнославянского языка. Самым обстоятельным в трактовке этого слова оказался словарь П.А. Алексеева [21], чье первое издание вышло в свет в 1775 г. Эту книгу нельзя считать двуязычным словарем в строгом смысле: она совмещает цели переводного, энциклопедического и лингвокультурологического лексикона, задуманного П.А. Алексеевым для объяснения воспитанникам Московского университета, готовящимся к катехизации, темных мест в текстах Св. Писания. Изначально перед автором стояла цель, в каком-то смысле сходная с задачами экзегезы. Подавляющее большинство включенных в словарь единиц вполне предсказуемо составили церковнославянские слова и выражения. Четвертое издание 1817-1819 гг., вышедшее Санкт-Петербурге и весьма основательно дополненное по сравнению с вариантами, созданными в последней трети XVIII столетия в Москве, неожиданно представляет *плодъ* как формальный моносемант с лексическим значением самое дело человеческое доброе или худое', добавляя, что «иногда под сим именем разумеются земные благословения, данные нечестивым» (при этом явление многозначности как таковое П.А. Алексеев отражает регулярно: например, близкое по алфавитному порядку существительное плоть подано как полисемант с шестью значениями).

Более продуктивным для нас оказывается внимание автора к идиоматике с компонентом nnodb-nnodb устень, nnodb чрева, nnodb покаяния. Чрезвычайно интересна его трактовка выражения nnodb мирень — 'счастливый, угодный, приятный Богу и человекам'. Здесь рассуждение П.А. Алексеева опирается на тот же 1-й псалом, разворачивая широкую аллегорическую картину за счет ряда живописных деталей и компаративных тропов: «Послbди же плодb мирень наученымь bды воздасть прав-

 $^{^1}$ Созданный через столетие церковнославянский словарь Г.М. Дьяченко [22] все же расширяет семантический объем *плода*: вначале выделено прямономинативное значение, за ним воспроизведена семантизация П.А. Алексеева, далее подано значение 'мзда, награждение'.

ды, то есть сперва наказание всякому кажется горестно, но после производит в наученных людях приятные плоды. Обыкновенно, что корень добродетелей и учения есть горек, но плод их сладок. Так бывает и с благочестивыми людьми, кои яко древа насажденныя при исходищахъ водъ приносять плоды во время свое, то есть плоды покаяния и благочестия, а послед пользуются плодами радости и утешения (Пс, 1, 3). Искусный садовник деревья оскабливает, чистит, обрезывает лишние или сухие сучья, иногда обрывает коренья, убавляет жирной земли не с тем, чтобы засушить деревья, но чтобы учинить оные многоплоднейшими; так Отец небесный наказует нас временно, чтобы вечно помиловать; для того терпеливо несущий наказание Господне мир имеет к Богу (Рим, 5, 1), Миръ совђсти, чувствуя себя сыном Божиим, которому вся поспешествуют во благое (Рим, 8, 28). В такой же силе у Иоанна (16, 20), Пс. 33, 20 и проч.».

Как видим, П.А. Алексеев, разрабатывая и уточняя аллегорию, заложенную в тексте псалма, считает нужным прямо и развернуто эксплицировать для своих читателей еще одну устойчивую семиотическую оппозицию, созданную фрагментацией образа дерева, - «плод ↔ корень». Хотя в Книге Псалмов непосредственно аллегорический образ корня встречается лишь единожды (Виноградъ изъ Егупта принеслъ еси: изгналъ еси языки, и насадиль еси и: путесотвориль еси предь нимь, и насадиль еси коренія егю, и исполни землю (79, 9–10)) и имеет, на наш взгляд, слабую фазовую ассоциацию, впоследствии церковнославянская лингвокультура закрепила терминальные семы за именами обоих полюсов. У правого оппозита они нашли воплощение в переносном ЛСВ3 с его значением начала, исхода. Например, в упоминавшейся выше аллегории (Аще ли начатокъ стъ, то и примђинение: и аще корень стъ, то и вђтви (Рим, 11, 16)) ап. Павел уравнивает функции корня и начатка. П.А. Алексеев при трактовке лексического значения имени корень на первое место ставит семантический компонент 'вина', затем 'начало или произведение какой вещи'. Впрочем, семантическим дрейфом было увлечено и русское слово корень: в наши дни яркие фазовые коннотации несколько стерты и отодвинуты на периферию его семантической структуры причинными смыслами 'источник, основание'. Иначе говоря, с течением времени семантический компонент 'первопричина' сузился до 'причины', что подняло уровень абстракции: Пастернак выговаривается дотла, стараясь <...> найти корень безволия (В. Абашев, 2009); Тот логически вынужден прийти к признанию основного убеждения религиозного сознания о наличии высших и разумных корней бытия (С. Франк, 1929).

Все же MAC эксплицирует темпоральный компонент в дефиниции ЛСВ корень з в его «устаревшем и разговорном» оттенке 'род, семья; начало по-

¹ Семантику причинности (всегда осложненную коннотациями начала) словарь П.А. Алексеева иллюстрирует устойчивыми выражениями *корень бессмертия* 'истинное богопознания и богочестие, т.е. набожность', *корень горестии* 'соблазнительная жизнь и учение вредное' и *корень злым* 'сребролюбие'.

коления', трактуя его как терминальную метафору. Не она ли, будучи совершенно ясно опознаваемой в большинстве случаев (например: Все премьеры Израиля имеют корни в России — если, конечно, считать в границах российской империи, в которой многие из них еще и родились. Но вот ни один выходец из СССР или России этого поста пока не занимал (Огонек, 2013)), возникает в спектре коннотаций существительного в столь неоднозначном контексте актуализации, как этот: Как каждый северный человек, я люблю суп. И они же, наши северные корни, недополучившие весны, заставляют меня выделять из этого гастрономического семейства яркозеленые супы (Г. Делеринс, 2014)?

Помимо названного противопоставления, анализируемый растительный образ сформировал и конкурирующую «обращенную» оппозицию «плод \leftrightarrow семя». Если корень и плод разнесены и во времени, и в пространстве (иными словами, это «универсальные» терминальные точки), то противопоставление плода и семени выстраивается на темпоральном разнесении оппозитов. Подобно любому овнешнению спекулятивного времени, данная модель более сложна, так как цикличная суть времени допускает бесконечное развертывание спирали «семя \rightarrow плод \rightarrow семя...», чего не могут предложить терминальные оппозиты, которые выработаны для символизации пространства.

МАС, трактуя переносный ЛСВ₃ 'зародыш, начало, источник чего-л.' (судя по материалам Национального корпуса русского языка, он является более частотным), подтверждает сложную тройственную оппозицию «корень - плод - семя», где крайние члены оказываются синонимичными благодаря темпоральному компоненту 'начало'. Различие между ними кроется в направлении взгляда наблюдателя. Семя идентифицирует проспективную точку зрения, отсылая к феномену, который обусловит еще не наступившие события и пока не сложившееся («не созревшее» – если оставаться в поле «растительных» иносказаний) положение дел. Корни же маркируют ретроспекцию, взгляд на ситуацию из сегодняшнего дня, пронзающий толщу минувшего времени, подобно пластам почвы. Ср.: В действительности же они сеют семена розни, неверия в силы русской науки, неуважения к ее славному прошлому и великим именам (В. Гроссман, 1960); Много лет Сервет разносил повсюду семена арианства, злого материализма и, как говорят, даже атеизма. (С. Логинов, 2008); Год жизни в Америке и знакомство с русской эмиграцией – в Бостоне еще живы были те, кто уходил из Крыма с Врангелем – заронили мне в душу первые семена любви к моей покинутой родине (Иеромонах Макарий (Маркиш), 2010) vs 3десь самая истина повелевает мне речь свою оживотворить воспоминанием славных имен, ВЕЛИКАГО ПЕТРА, ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ, и Дражайших Высоких Родителей. Ибо Сии суть Благословенные Корени, от Коих

¹ Более строгая пространственная оппозиция «корень – вершина (крона, ветви)» вводит иерархические смыслы: *Не хвалися на вђтви: аще ли же хвалишися, не ты корень носиши, но корень тебе* (Рим, 11, 18).

ныне произрос Сладчайший и Знаменитейший Плод (наследник Александр I. – Г.К.) (Архиепископ Платон (Левшин), 1777); Корни этой традиции начального музыкального образования идут от церкви (И. Архипова, 1996); И зачастую то, что сейчас считается супермодным в Европе, оказывается, уходит корнями в далекое прошлое (Народное творчество, 2004); Бывший панк и пионер электронной музыки <...> делает слушателя заложником любопытства. Его корни – в фантастическом успехе его предыдущей пластинки (А. Крижевский, 2002). Очевидно, что русское семя в прототипическом случае ближе к абсолюту начала по сравнению с остальными растительными метафорами за счет того, что и сам наблюдатель-интерпретатор полагает себя находящимся ближе к этой терминальной точке.

Парадоксальным образом при основной трактовке семени как потенции, а плода как результата существительное *семя* оказывается энантиосемантом. Правда, и здесь приходится говорить о смысловой эволюции. В самой *книзђ ψаломстђ*й аллегорические «начала», воплощенные этим растительным образом², не встречаются. Однако словарь Γ .М. Дьяченко формулирует 13 (!) значений, развившихся в церковнославянском языке, с указанием конкретных ветхозаветных и новозаветных фрагментов их актуализации: семя (σ πέρμα); начало плода, семя, из которого рождаются (а) растения, (б) животные и (в) люди; самые растения, например овощи; животные, исчадия; потомство, потомки; дети и внуки; сын; в отношении к Спасителю, потомок; конец, остаток (образ взят с того семени, которое оставляют для посева); сеятель; посеянное; начало духовной жизни; (σ πόρος) посев, – энантиосемия многих ЛСВ не вызывает сомнений.

Для древнерусской лингвокультуры двойственность *сђмени*, видимо, тоже была живой. Так, в СДЯ на фоне *сђмя* $_2$ 'начало, исток; источник зарождения чего-л.' (Сидоръ же... бђжа къ Риму, отнюду же злаго еретичества сђмя принеслъ. Львов. лет. XVI в.) выделены *сђмя* $_4$ 'род, племя'³,

¹ Два века назад в русской лингвокультуре развился метафорический аналог семениз, который представляет маргинальную зону физиологии, зародыш₂ 'зачаток, начало': Во всем вышеизложенном виден зародыш возможного будущего благосостояния провинций Закавказских, и сами собою уже явствуют государственные выгоды, от того проистекающие (А. Грибоедов, 1828); Мой репортаж 1963 г. <...> стал зародышем замысла создать психологический портрет зарубежного народа (В. Овчинников, 2012). В материалах Национального корпуса русского языка первый контекст его актуализации помечен 1822 г.

² Во всех псалмах *сђмя* актуализует значения 'потомки' или 'род': Плодъ ихъ от земли погубиши, и сђмя ихъ от сыновъ человђческихъ (20, 11); Юнђйшій быхъ, ибо состарђхся, и не видђхъ првника оставлена, ниже сђмени его просяща хлђбы (36, 25–26); Яко Гдь любитъ судъ и не оставитъ прпбныхъ своихъ: во вђкъ сохранятся: беззаконницы же изженутся, и сђмя нечестивыхъ потребится (36, 28).

³ Примечательно, что в переводе стихов *И возвоиже руку свою на ня, низложити я в пустыни. И низложити сђмя ихъ во языцђхъ, и расточити я въ страны* (Пс, 105, 26–27) Е.Н. и И.Н. Бируковы используют лексему *племя*, в то время как в синодальном переводе оставлено *семя*.

сфия5 'потомство, потомки'; сфия6 'последователи, сторонники, продолжатели чего-л.' (6-е значение иллюстрируется ярким отзывом Петра I о стрельцах, который датирован 1698 г.: Пишешь... что сфия Ивана Михайловича [Милославского] ростеть, въ чем прошу быть васъ кърфпъкихъ, а кроме сего ничемъ сей огнь угасить не мочьно). И.И. Срезневский также противопоставляет ЛСВ₃ и ЛСВ₄.ЛСВ₅ древнерусского существительного. Но уже Словарь II отделения Академии наук, изданный в 1847 г. и призванный отразить современное ему положение дел, значение 'потомки' помечает как «церковное», подавая в качестве общерусского только метафорическое обозначение другого терминального полюса – начала или отдаленной причины какого-либо нравственного действия или состояния. МАС под номером 3 помещает ЛСВ 'зародыш, начало, источник' без каких-либо помет и только затем семя, 'потомство, род', считая его книжным и устаревшим (!!), а его оттенок 'нисходящее поколение, отродье' разговорным и пренебрежительным. Как видим, сравнительный анализ словарей вскрывает постепенное усиление в семантической структуре этого имени терминального компонента 'начало'.

В целом у оппозиции «растительных» терминальных оппозитов в псалмической поэзии более востребованным и проработанным предстает именно темпоральное, а не пространственное измерение, и конкретно — лексическое поле финала. Вместе с тем вербализация аллегорий со смыслами 'финал, конец' в церковнославянском и русском переводах Псалтири совпадает лишь частично. Обе лингвокультуры, формируя этот понятийный уровень, прибегают к собственным лексическим средствам.

Так, в широко известных 5-6-м стихах 125-го псалма разворачивается аллегорическая картина течения времени, выстраиваемая образами сменяющих друг друга работ на ниве: Сфющіи слезами, радостію пожнуть. Ходящій хождаху и плакахуся, метающе сфмена своя: грядуще же пріидуть радостію, вземлюще рукояти своя. Если в синодальном переводе (1876) и переводах Российского (Русского) библейского общества (2000. 2011) выделенной конструкции соответствует неся снопы свои; ряд православных порталов в анонимном и недатированном переводе предлагают конструкцию поднимая снопы свои; то в переводе Е.Н. и И.Н. Бируковых (1975–1985) использовано словосочетание пожнут урожай; и близки к нему переводы, сделанные Международной библейской лигой (2014), – будут собирать урожай; понесет свой урожай. В семантической системе современного русского языка у снопов и урожая нет метафорических значений, однако последнее существительное обладает хорошо осознаваемыми фазовыми коннотациями финала: Именно осенью природа вознаграждает человека за его труд своими плодами. На этот раз, образно говоря, собрать урожай на ратной ниве и отведать зрелость плодов доверили личному составу зенитного ракетного полка, которым командует гвардии полковник Александр Шапарский (О. Фаличев, 2002).

В приведенном фрагменте 125-го псалма растительные образы воплощены прежде всего предикатной лексикой с процессуальными значениями.

Псалтирь формирует два оппозитивных подмножества таких глаголов, различающихся субъектами действия. В прямом значении они обозначают: (а) процессы возделывания человеком тех или иных объектов флоры: сеять, насеять, насадить vs жать, восторгать, попалять; (б) процессы вегетации: прозябать, процвести vs отцвести, иссохнуть, ожестеть. В наиболее ярком виде «снятие» противостояния терминальных оппозитов совершает знаменитый евангельский фрагмент, безусловно отсылающий к анализируемому псалму: и сђяй вкупђ радуется, и жняй: ω семъ бо слово есть истинное, яко инъ есть сћяй, и инъ есть жняй (Ин. 4, 36-37). С течением времени данная аллегория вошла в ткань испытывавшей влияние иноязычных образцов книжной культуры средневековой Руси, чьи памятники емко охарактеризованы в предисловии к словарю И.И. Срезневского: «Одни суть переводы с греческого, другие – русские произведения, которые написаны по примеру греческих. Так, даже в числе памятников чисто церковной литературы мы встречаем такие подражания, которые суть подражания и по языку, и по мысли. <...> И даже, может быть, в самих наших летописях найдутся такие же подражания» [17. C. VI]. И они, бесспорно, находятся. Упомянем, например, список 1377 г. Лаврентьевской летописи (Владимирского летописного свода 1305 г.): Іако бо се нфкто землю разорить. Другыи же насђеть. Ини же пожінають. И іадрть пишю бескудну. <...> Сь же нас \hbar я книжными словесы $cp(\partial)$ иа в \hbar рны(x) людии. А мы пожинаемъ ученье приемлюще книжное.

В приведенных выше аллегориях глагольное темпоральное «начало» ословлено псалмопевцами чаще из проекции человеческой воли, целенаправленных действий субъекта-человека, культивирующего растительный объект. Обозначающие же вегетацию предикаты прозябати, цвђсти, изсхнути в книзђ фаломстђй не раз рисуют аллегорические картины [крат-ко]временности бытия как оппозита вечности: Внегда прозябоша грђиницы яко трава <...> яко да потребятся въ вђкъ вђка. Ты же вышній во вђкъ, Господи (Пс, 91, 8–9); Оуничиженія ихъ лђта будуть: оутро яко трава мимо идетъ, оутро процеђтетъ и прейдетъ (Пс, 89, 6); Дніе мои яко сђнь оуклонишася, и азъ яко сђно изсхохъ (Пс, 101, 12), – тогда как в современном русском языке предикаты вегетации всходить, прорастать, проклевываться, пробиваться приобрели яркие коннотации начальной фазы процесса.

Казалось бы, полюс начала в равной мере должны манифестировать и глаголы *насадить*, *насаждать*, но на синхронном уровне они отличаются и своим семантическим объемом, и яркостью фазовой коннотации. В трактовке МАС у них не совпадает порядок ЛСВ₁ *насадить* 'посадить (растения, деревья) в каком-либо (обычно большом) количестве', ЛСВ₂ 'сов. к насаждать₁' *насаждать* ЛСВ₁ 'внедрять, укоренять' ЛСВ₂ 'несов. к насадить₁'. Иными словами, «растительные семы» оказываются ядерными только у одного из глаголов. Возможно, именно «церковнославянская родословная» предиката *насаждать* обусловила развитие оценочности и постепенное вхождение метафорической семы в ядро, что видно по датировке контекстов актуализации в Национальном корпусе русского языка.

Хронологически первой среди его материалов оказывается выдержка из сделанного в 1745 г. В.К. Тредиаковским перевода с французского: Прикрасы нетакъ какъ цвфты, которые тамъ насаждають, гдф хотять. Это же значение многократно актуализовано в речах архиепископа Платона (Левшина), сочиненных в сер. 1770-х гг. по поводу дня тезоименитства наследника. где цитируется ап. Павел: Кто насаждаеть виноградь, и от плода его не ясть? (1 Кор. 9, 7). В текстах конца XIX в. оно востребовано уже намного реже: Лютер метко охарактеризовал свою роль и роль своего главного сподвижника в деле реформы: «Мне самому приходится выдергивать пни и колоды, обрывать шипы, осущать трясины; я – грубый дровосек, прокладывающий дорогу, но мейстер Филипп работает чистенько и тихонько, обрабатывает и насаждает, сеет и орошает, ибо Бог шедро одарил его» (Б. Порозовская, 1895). Последний по времени пример употребления глагола в прямом значении, взятый из журнала «Наука и жизнь» за 1950 г., уже воспринимается как архаизм: Работники лесного хозяйства с помощью ученых успешно насаждают карельскую березу. Метафорическое значение у насаждать начинает преобладать в материалах Корпуса с 1870-х гг.

Заключение об оценочности в современном русском языке этой метафоры, осложненной фазовой коннотацией начала, можно сделать с учетом своеобразия объектов действия при предикате насаждать: в их роли выступают лексемы с семантическими компонентами 'неэтичное', 'вредное', 'опасное'. Тем необычнее и показательнее выглядит контекст актуализации, пронизанный иронией по поводу общепринятых ценностей, в котором неожиданный выбор глагола автор подчеркивает и закрепляет выделительной частицей: Валера насаждал и насаждает в доме русский. Именно насаждает. Потому как, видите ли, отпрыск был доставлен в Соединенные Штаты в животе матери и мог лишиться величайшего культурного наследия (Т. Соломатина, 2010).

В отличие от описанного положения дел имена объектов действия для метафорического *сеять*, осложненного фазовыми коннотациями, в контекстах Национального корпуса русского языка разбиваются уже на два противопоставленных подмножества: *отчуждение*, *рознь*, *смута*, *зло*, *горе*, *паника*, *недоверие*, *сомнение*, *пессимизм*, *соблазн*, *бесстыдство*, *болезнь*, *смерть* vs *любовь*, *вера*, *раскаяние*, *добродетель*, *ученость*, *знания*, даже *диалог*. Публицисты и беллетристы щедро предоставляют читателям оценочные контексты актуализации от *не видит ничего*, *кроме недостатков*, *копается в грязи*, *сеет нездоровые настроения* (Ю. Домбровский, 1978) до классического некрасовского *сейте разумное*, *доброе*, *вечное*. Численное преобладание элементов подмножества отрицательной оценки не влияет на принципиальную амбивалентность потенциальной оценки, поскольку преимущественная вербализация негативной семантики считается языковой универсалией.

Терминальный смысл 'конец' в псалмических аллегориях, описывающих целеполагающую деятельность человека, представлен тремя общесла-

вянскими предикатами – восторгать, попалять, жать. В русской лингвокультуре судьбы этих глаголов, а также их видовых форм оказалась несходными. Первый после присоединения постфикса претерпел кардинальную перестройку семантики, второй, устарев, переместился на периферию лексического фонда. Предикаты жать, сжать да сих пор функционируют в прямом значении 'убирать хлебные злаки серпами, косами или жатвенными машинами', но участь глаголов пожать, пожинать сложнее. Прямономинативный ЛСВ пожать расценивается ныне как устаревший и просторечный, что исключает его из ядра общенационального словаря, а лексема *пожать*² в МАС имеет пометы «высокое, переносное». У глагола пожинать помет нет, однако в словарной статье приводится устойчивое выражение пожинать лавры и (не выделенное формально) пожинать плоды . Оба словосочетания несут не только терминальные смыслы итога, но и справедливого воздаяния за предшествующую деятельность, которое может обернуться как вознаграждением, так и возмездием. Конструкция стала матричной со свободно заполняемой валентностью объекта действия, предполагающей ныне не только фитонимы и прежде всего не фитонимы. В данном случае вновь сформировались два подмножества абстрактных номинаций с полярной оценочностью: горе, разочарование vs успех, хвала, симпатия и т.д. Лингвокультура хорошо усвоила мысль ветхозаветного пророка Осии (8, 7): Яко вфтромъ истлино всияща, и разрушеніе ихъ пріиметь я², которая с течением времени превратилась в общеизвестную максиму «кто сеет (посеет)... тот пожинает (пожнет)...» и в паремию что посеешь, то и пожнешь. С разной степенью редукции их воспроизводит и религиозный дискурс, и вполне светский: Что мы посеяли, то и должны пожинать. Всем неравнодушным к правде людям очень темно и тяжело, ибо, сравнивая настоящее с прожитым, давно прошедшим, видим, что живем в каком-то ином мире (К. Победоносцев, 1881-1889). Она была глуха к добрым советам, и вот она пожинает, что посеяла (Ф. Сологуб, 1909); Сея ветер свободных от нравственности идей, мы пожинаем бурю саморазрушения (Журнал Московской патриархии, 2004). Интересно, что редукция чувствительна к смыслам 'начало' и 'конец': она касается начальной фазы: Кто хочет пожинать сладость, да любит прежде горесть (Г. Сковорода, 1760–1775); Мы пожинаем горькие плоды гостеприимства, видим плачевные результаты труда горе-строителей, врачей-рвачей, чернорабочих, не говоря уже о дико растущей уголовщине, связанной с этническими преступными группировками (Солдат удачи, 2004). Вероятно, это объясняется невозможностью завершения без начала, тогда как незаверенное, незаконченное, недоделанное встречается нередко.

¹ Плоды, как и результаты, в этой конструкции способны нести амбивалентную оценку. Ее положительный знак часто имплицирован, но отрицательный всегда выражен эксплицитно при помощи определения – горькие плоды, плачевные результаты, хотя МАС не вводит эти словосочетания в состав идиоматики.

 $^{^2}$ Более известен синодальный перевод на русский язык: *так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю*.

Итак, ежегодный вегетативный цикл, столь краткий на фоне человеческого века и столь непреложно возобновляющийся, еще в период глубокой архаики фокусировал на себе внимание человека. Вещные, наблюдаемые объекты мира флоры и процессы, которые с ними связаны, дали толчок к формированию и проработке самих способов обозначения ненаблюдаемых высоких эмпирий и трансцендентной области духа, столь важных для человеческой сущности, и это афористично постулировал Х.Л. Борхес: «Пахарь дает жизнь слову культура» [23].

Древнейшие «растительные» иносказания, созданные как полупроизвольные иллюстрации к философским и этическим идеям, изложенным в рамках вероучения, разгадывались, постигались и присваивались в течение тысячелетий в пределах христианской Ойкумены и ее церковнославянскорусской части. Аллегории стали благодатной почвой и инструментом для стереотипизации окружающего жизненного мира, в том числе и терминальных смыслов, зачастую осложненных оценкой. Одни части многозначных аллегорических картин могли затемняться, другие становились выпуклее, резче и притягивали интерес лингвокультуры, превращаясь в метафоры.

Если в псалмических текстах более значимым оказывается терминальный полюс финала, поскольку он как манифестация конца времени и тварного мира противопоставлен бесконечности, вечности божественного бытия, то в семантической системе современного русского языка значения начала и конца своеобразно мультиплицируют свои средства выражения, в чем можно увидеть перекличку с общим отходом от пассеистского типа культуры. Разумеется, нельзя утверждать, что семантический дрейф непрямых значений растительной лексики во всех случаях завершен. Иногда в конкретном контексте метафора, казалось бы давно вошедшая в язык, иррадиирует свои парадигматические связи, при этом ее фазовые коннотации читаются однозначно: Про корни. Я выросла в кино. Такой была среда, которая меня окружала. В нашем доме на Полянке жил весь советский кинематограф – Райзман, Ромм, Птушко, Дзиган, Пырьев. Для всех это были великие режиссеры и артисты, а для меня – дяди и тети, которые дергали за косичку или по попке хлопали в лифте. В эвакуации к ним прибавились еще Пудовкин, Чирков, Жаров с Целиковской. Эйзенштейн сажал нас на колени и рисовал нам что-то. Шестилетние дурочки, что мы понимали. (Г. Волчек. 2013).

Возникшая модель переноса значения «растительный объект, процесс — 'начало' или 'конец'», конечно, сформирована не только последовательными переводами Псалтири. Однако представляется, что ее утверждению способствовали и регулярное чтение псалмов, и многовековая востребованность в институциональных дискурсах собранных в них идей и образов. Это вполне предсказуемо обусловило дальнейшее развитие в русском языке и тех терминальных метафор, а также фазовых коннотаций, ассоциаций, рефлексов, которые уже не имеют аллегорических прототипов в книзћ уаломстћй. Вместе с тем потенциал семантического развития, за-

ложенный в аллегорических растительных образах, реализовали далеко не все слова.

Давшее исходный импульс такому серьезному изменению семантики собственно аллегорическое использование растительной лексики, практически не встречаясь в бытовой дискурсивной практике, как эстетический прием и ныне не чуждо высоким образцам культуры, где оно зародилось. Более того, растительная аллегория по-прежнему способна разрастись до живописного полотна нарратива, содержащего новую аллюзию на текст двухтысячелетней давности и бичующего все те же человеческие пороки и слабости: Сознание, данное нам для постижения, мы пустили в ход как инструмент. Мы сеем и не пожинаем, не дожидаясь урожая, перекапываем даже собственные посевы. Какой урок еще может остановить человека на пути самоистребления? (А. Битов, 1990).

Литература

- 1. *Ефимова В.С., Желязкова В.* К изучению лексики древнейших славянских рукописей Ветхого Завета в сопоставлении с лексикой Нового Завета и других рукописей «Старославянского канона» // Славяноведение. 2014. № 4. С. 3–14.
- 2. Синило Г.В. Псалтирь (Книга Хвалений) в контексте мировой культуры // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № S4. С. 4–17.
- 3. *Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX в.). М., 2001. 400 с.
- 4. *Аверинцев С.С.* Древнееврейская литература // История всемирной литературы : в 9 т. М., 1983. Т. 1. С. 271–302.
- 5. *Клименко Л.П.* К проблеме аутентичности церковнославянского и русского переводов Псалтири царя Давида // Труды Нижегородской духовной семинарии. Н. Новгород, 2008. С. 85-109.
- 6. Сальталамаккия Д.Б. Ориген толкователь псалмов: предложения в свете открытия Codex monacensis graecus 314 // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки : материалы VIII Международной научно-богословской конференции, посвящ. 70-летию возрождения Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 2017. С. 211–224.
 - 7. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 208 с.
 - 8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1990 (1930). 134 с.
 - 9. Толковая Псалтирь Евфимия Зигабена. Киев, 1882. 944 с.
- 10. Потебня А.А. Из записок по теории словесности (1905) // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 132-314.
- 11. *Ненарокова М.Р.* Аллегорические образы растений в средневековой латинской гимнографии // Современные тенденции в развитии науки и технологий. 2015. № 5-3. С. 37-50.
- 12. *Клименко Л.П.* Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Н. Новгород, 2012. 560 с.
- 13. Толстая С.М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1996. С. 124–127.
- 14. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847.
- 15. Семенова С.Ю. К типологии фазовых компонентов, коннотаций и ассоциаций русских лексем // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002. С. 155–168.

- 16. Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Подведение итогов в русском языке // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002. С. 36–49.
- 17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 4 т. СПб., 1893–1912.
 - 18. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
- 19. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988–2016.
- 20. Шанский Н.М. Роль старославянского языка в развитии русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 4. С. 40–45.
- 21. Алексеев П. Церковный словарь или истолкование словенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании и содержащихся в других церковных и духовных книгах, с присовокуплением некоторых церковных ирмосов, в российском переводе изъясненных и в стихи преложенных, и степенных первого гласа. 4-е изд., вновь пересмотренное, исправленное и противу прежних трех изданий весьма знатным количеством слов и речений приумноженное: в 5 ч. СПб., 1817–1819.
- 22. Дьяченко Г.М. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1993 (репринт издания 1899 г.). 1120 с.
- 23. *Борхес Х.Л.* Истории о всадниках. Из книги «Эваристо Каррьего», 1930 // Хорхе Луис Борхес. URL: http://www.bibliomsk.ru/library/global.phtml?dirname=borges& filename=jlb07003.phtml&mode=10 (дата обращения: 17.12.2019).

Plant Images in the *Book of Psalms*: From Allegory to Terminal Metaphor

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 45–64. DOI: 10.17223/19986645/66/3

Galina V. Kalitkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dasty2@yandex.ru

Keywords: psalms, allegory, metaphor, terminal semes, Russian linguaculture, high discourse.

The article discusses the metaphorical objectification of terminal semantics in Russian linguaculture. The object of the study is plant allegories used in the Book of Psalms (10th–2nd centuries BC) to present the essence of the doctrine. As one of the varieties of changing the reference of a verbal sign and a fragment of extra-linguistic reality, allegory is a more or less random verbal illustration that is not significantly related to the conveyed idea. Allegory often has several aspects, and its interpretations can differ in depth and accuracy, depending on the underlying system of perception. As a linguistic phenomenon, allegory is expressed not only in texts, sentences, phrases, but also in univerbs, and for the latter grammatical differences are not relevant. The material of the study is the layer of nominal and predicate vocabulary of the plant sphere, actualised in psalm texts translated into Church Slavonic by Cyril and Methodius and in their main Russian translations of the 19th-21st centuries. Examples of the functioning of these lexical units in institutional and artistic discursive practices of the 18th-21st centuries were selected from the materials of the Russian National Corpus. The aim of the study is to trace the formation of stable terminal meanings, which have entered the semantic system of Russian mainly in temporal interpretation, in some phytomorphonyms and "plant" predicates. The analysis of the definitions, labels, and illustrative material of three fundamental diachronic dictionaries of the Russian language, the modern Small Academic Dictionary of Russian (MAS), and Church Slavonic lexicons made it possible to describe the semantic "drift" of some nominal and predicate nominations of the plant sphere, that is, how they developed full-fledged temporal semes and formed of habitual phase connotations and free associations. The metaphorical model, formed in the semantic system of Russian, allowed the development of terminal meanings for the phytomorphonyms and "plant predicates" that are not found in the Book of Psalms, which indicates its productivity. The consequence of the

considered semantic evolution was the entry of units *beginning* and *end* with their "limiting" semes into constant semiotic oppositions. The poles of these oppositions are relevant and unequally elaborated in the Church Slavonic and Russian linguacultures. The analysis of the material once again confirmed the independence of culture and language as sign systems.

References

- 1. Efimova, V.S. & Zhelyazkova, V. (2014) Towards a study of the vocabulary of the oldest Slavonic Old Testament manuscripts in comparison with the vocabulary of the New Testament manuscripts and other manuscripts of the "Old Slavonic canon". *Slavyanovedenie*. 4. pp. 3–14. (In Russian).
- 2. Sinilo, G.V. (2009) Psaltir' (Kniga Khvaleniy) v kontekste mirovoy kul'tury [Psalter (Book of Psalms) in the Context of World Culture]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom State, Religion and Church.* S4. pp. 4–17.
- 3. Kravetskiy, A.G. & Pletneva, A.A. (2001) *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX–XX v.)* [History of the Church Slavonic Language in Russia (Late 19th–20th Centuries)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 4. Averintsev, S.S. (1983) Drevneevreyskaya literatura [Ancient Hebrew literature]. In: Braginskiy, I.S. et al. (eds) *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 271–302.
- 5. Klimenko, L.P. (2008) K probleme autentichnosti tserkovnoslavyanskogo i russkogo perevodov Psaltiri tsarya Davida [On the problem of authenticity of Church Slavonic and Russian translations of the Psalms of David]. *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii*. 6. pp. 85–109.
- 6. Sal'talamakkiya, D.B. (2017) [Origen, the interpreter of the psalms: Proposals in relation to the discovery of Codex monacensis graecus 314]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo bogosloviya i tserkovnoy nauki* [Topical Problems of Modern Theology and Church Science]. Proceedings of the VIII International Conference, dedicated to the 70th anniversary of the revival of the Saint Petersburg Theological Academy. Saint Petersburg. 16–17 November 2016. Saint Petersburg: Saint Petersburg Theological Academy. pp. 211–224. (In Russian).
 - 7. Valgina, N.S. (2004) *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow: Logos.
 - 8. Losey, A.F. (1990) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow.
- 9. Zigabenus, E. (1882) *Tolkovaya Psaltir'* [Explanatory Psalter]. Translated from ancient Greek. Kiev: [s.n.].
- 10. Potebnya, A.A. (1990) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 132–314.
- 11. Nenarokova, M.R. (2015) Allegoricheskie obrazy rasteniy v srednevekovoy latinskoy gimnografii [Allegorical images of plants in Medieval Latin hymnography]. *Sovremennye tendentsii v razvitii nauki i tekhnologiy*. 5–3. pp. 37–50.
- 12. Klimenko, L.P. (2012) *Slovar' perenosnykh, obraznykh i simvolicheskikh upotrebleniy slov v Psaltiri* [Dictionary of Figurative, Metaphoric and Symbolic Uses of Words in the Psalter]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo "Khristianskaya biblioteka".
- 13. Tolstaya, S.M. (1996) Stereotip v etnolingvistike [Stereotype in ethnolinguistics]. In: *Rechevye i mental 'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii* [Speech and Mental Stereotypes in Synchronicity and Diachrony]. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS. pp. 124–127.
- 14. The Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian Languages, Compiled by the Second Department of The Imperial Academy of Sciences]. Vols 1–4. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
- 15. Semenova, S.Yu. (2002) K tipologii fazovykh komponentov, konnotatsiy i assotsiatsiy russkikh leksem [On the typology of phase components, connotations and associations of

Russian lexemes]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of the Beginning and the End]. Moscow: Indrik, pp. 155–168.

- 16. Boguslavskaya, O.Yu. & Levontina, I.B. (2002) Podvedenie itogov v russkom yazyke [Summarising in Russian]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of the Beginning and the End]. Moscow: Indrik. pp. 36–49.
- 17. Sreznevskiy, I.I. (1893–1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. Saint Petersburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti.
- 18. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2008) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vols 1–28. Moscow: Nauka.
- 19. Avanesov, R.I. (ed.) (1988–2016) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th 14th Centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.
- 20. Shanskiy, N.M. (1994) Rol' staroslavyanskogo yazyka v razvitii russkogo yazyka [The role of the Old Church Slavonic language in the development of the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole Russian Language at School.* 4. pp. 40–45.
- 21. Alekseev, P. (1817–1819) *Tserkovnyy slovar' ili istolkovanie slovenskikh, takzhe malovrazumitel'nykh drevnikh i inoyazychnykh recheniy, polozhennykh bez perevoda v Svyashchennom Pisanii i soderzhashchikhsya v drugikh tserkovnykh i dukhovnykh knigakh, s prisovokupleniem nekotorykh tserkovnykh irmosov, v rossiyskom perevode iz''yasnennykh i v stikhi prelozhennykh, i stepennykh pervogo glasa [Ecclesiastical Dictionary or Interpretation of Slavonic and Obscure Ancient and Foreign Language Utterances, Given in the Holy Scriptures without Translation and Contained in Other Church and Spiritual Books, With the Addition of Some Church Irmoses, Translated in Russian, Explained and Put into Verse, and Anabathmoi for the First Voice]. 4th ed. Saint Petersburg: tipografiya Ivana Glazunova.*
- 22. D'yachenko, G.M. (1993) *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar' (s vneseniem v nego vazhneyshikh drevnerusskikh slov i vyrazheniy)* [A Complete Church Slavonic Dictionary (With the Introduction of The Most Important Old Russian Words and Expressions)]. Moscow: Izdatel'skiy otdel Moskovskogo Patriarkhata. Reprint of 1899.
- 23. Borges, J.L. (1930) *Istorii o vsadnikakh* [Stories of Horsemen]. Translated from Spanish by I. Dubin. [Online] Available from: http://www.bibliomsk.ru/library/global.phtml?dirname=borges&filename=jlb07003.phtml&mode=10. (Accessed: 17.12.2019).